IV

*М. А. РОГОВ**

ИНТЕРВИЗУАЛЬНОСТЬ ГЕРАЛЬДИКИ ОСТЕРМАНОВ: «ПЛОДОНОСЯЩЕЕ ОБЩЕСТВО» И ЕГО ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ СУДЬБА

Статья посвящена проблеме эмблематического происхождения и интервизуальности геральдики Остерманов – пальмового дерева и латинского девиза *Nec sol nec frigora mutant* («Ни жар, ни хлад не изменяют»), – которая прежде в науке не рассматривалась. Исследование сочетает иконографический анализ с анализом интервизуальности в геральдическом и эмблематическом контекстах. Доказывается, что эти элементы представляют сознательное заимствование и переосмысление символического языка «Плодоносящего общества» (Fruchtbringende Gesellschaft, 1617–1680) – первой немецкой филологической академии, известной также как Орден Пальмы. Медаль И. К. Хедлингера и посвятительная виньетка Ф. Е. Маттарнови к ботаническому трактату И. Аммана (оба 1739 г., посвящены А. И. Остерману) показаны как воспроизведение структурного формата орденской импрезы – «пфеннига» Общества. Латинский девиз Остерманов анализируется как парафраз и межъязыковая паронимазия на немецкие стихи импрезы Фридриха Ульриха, герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского (члена Общества с 1621 г.), предка Антона Ульриха, чей брак с Анной Леопольдовной – и рождение императора Ивана VI – стали главным династическим проектом Остермана, осуществлённым при посредничестве Х. Ф. Гросса (ок. 1696–1742), экстраординарного профессора моральной философии, иностранного члена Императорской Академии наук, брауншвейгского дипломата, личного секретаря Остермана, наставника его детей и автора девиза. Прослеживается последующая апроприация остермановского эмблематического образа в швейцарской («Физиогномические фрагменты» И. К. Лафатера, 1775), шведской (усыпальница барона Г. А. Ройтерхольма, 1793) и немецкой (памятная картина для И. К. фон Шмида, 1824) традициях. Демонстрируется, что символическая программа А. И. Остермана-Толстого, в центре которой медальон Optima Mater (Женева, Музей искусства и истории, инв. AD 3720) его скульптурного кенотафа по модели С. И. Гальберга (1822), обнаруживает семейную традицию интервизуальности.

*** Рогов Михаил Анатольевич** – кандидат искусствоведения, кандидат экономических наук, доцент; научный руководитель Центра иконографических и визуальных исследований (CIVIS) Фонда «Новое искусствознание», доцент Государственного университета «Дубна»; Москва, Россия. E-mail: rogovm@hotmail.com; ORCID: 0000-0001-7573-3370.

Rogov Mikhail Anatolyevich – PhD in Art History, PhD in Economics, Associate Professor; Academic Director, Centre for Iconographic and Visual Studies (CIVIS), «New Art Studies» Foundation; Dubna State University; Moscow, Russia. E-mail: rogovm@hotmail.com; ORCID: 0000-0001-7573-3370.

© Рогов М.А.

Ключевые слова: геральдика, эмблематика, иконография, интервизуальность, искусство барокко, «Плодоносящее общество», А. И. Остерман, А. И. Остерман-Толстой.

Поступила в редакцию: 21.05.2026
Принята к печати: 01.10.2026

DOI: 10.7868/S0130086526040138

INTERVISUALITY OF THE OSTERMANN HERALDRY: FRUCHTBRINGENDE GESELLSCHAFT AND ITS EMBLEMATIC AFTERLIFE

The article addresses the problem of the emblematic origin and intervisuality of the Ostermann heraldry – specifically, the palm tree and the Latin motto *Nec sol nec frigora mutant* ("Neither heat nor cold alters") – which, until now, has not been examined in scholarship. The study combines iconographic analysis with an examination of intervisuality in heraldic and emblematic contexts. It argues that these elements represent a deliberate adaptation of the symbolic language of the Fruchtbringende Gesellschaft (1617–1680), the first German philological academy, known also as the Order of the Palm. The medal by J. C. Hedlinger and the dedication vignette by Ph. E. Matternovi for J. Amman's botanical treatise (both 1739, dedicated to A. I. Ostermann) are shown to reproduce the structural format of the Gesellschaft's impresa medal (Gesellschaftspfennig), not merely to employ heraldic imagery. The Latin motto is analysed as a cross-linguistic paronomasia on the German verse of the impresa of Friedrich Ulrich, Duke of Braunschweig-Wolfenbüttel (member of the Gesellschaft from 1621), an ancestor of Anton Ulrich, whose marriage to Anna Leopoldovna – and the resulting birth of Emperor Ivan VI – was Ostermann's principal dynastic project, facilitated by Christian Friedrich Gross (c. 1696–1742), extraordinary professor of moral philosophy, honorary foreign member of the Imperial Academy of Sciences, Braunschweig diplomat, private secretary to Ostermann, and tutor to his children and the author of the motto. The article traces the subsequent appropriation of the Ostermann emblem in Swiss (J. C. Lavater's Physiognomische Fragmente, 1775), Swedish (Baron G. A. Reuterholm's family vault, 1793), and German (commemorative picture for J. C. von Schmid, 1824) contexts. The symbolic programme of A. I. Ostermann-Tolstoy centred on the Optima Mater medallion in the Geneva version of the sculptural cenotaph modelled by S. I. Galberg in 1822 (MAH, inv. AD 3720) is shown to repeat the structure of the ancestral programme and thus to reveal a family tradition of intervisuality.

Keywords: heraldry, emblem, iconography, intervisuality, Baroque art, Fruchtbringende Gesellschaft, A. I. Ostermann, A. I. Ostermann-Tolstoy.

Проблема исследования состоит в выявлении эмблематических источников изображения пальмового дерева и латинского девиза *Nec sol nec frigora mutant* («Ни жар, ни хлад не изменяют») в геральдике Остерманов, а также механизмов их последующего воспроизведения и переосмысления. Цель статьи – установить происхождение этой символической программы и проследить её дальнейшую рецепцию. Для этого решаются следующие задачи: сопоставить герб и связанные с ним памятники

с импрезами «Плодоносящего общества»; выявить текстовый источник девиза и определить его автора; раскрыть политико-династический контекст программы; проследить позднейшие заимствования образа и сопоставить их с символической практикой А. И. Остермана-Толстого.

Источниковую основу исследования составляют геральдические и материальные памятники (герб, печати, вышивка, медаль И. К. Хедлингера, виньетка Ф. Е. Маттарнови), книга импрез «Плодоносящего общества», мемуарные и историографические свидетельства П. фон Хавена, К. Р. Берка и Я. Штелина, а также произведения, документирующие последующую рецепцию остермановской эмблемы. Метод сочетает иконографический анализ с изучением связей между визуальными образами. Под интервизуальностью далее понимаются отношения, возникающие при цитировании, варьировании и повторном использовании визуального мотива, а под апроприацией – его целенаправленное заимствование и переосмысление в новом контексте.

ГЕРБ ОСТЕРМАНОВ: ЭМБЛЕМА И ДЕВИЗ

Герб графов Остерманов включает в нижней части в золотом поле пальмовое дерево; второй шлем (правый) увенчан пальмовым деревом. Под щитом расположен девиз: *Nec sol nec frigora mutant* («Ни жар, ни хлад не изменяют»)[1]. На вышивке из усадьбы Мураново[2] круглый медальон в асимметричном рокайльном обрамлении щита пальмовыми ветвями содержит на фоне, имитирующем золотое поле, пальмовое дерево, он увенчан графской короной, шлемом с решеткой, дворянским бурлетом и нашлемниками: страусовые перья и пальма. На овальной настольной печати с деревянной рукоятью черного цвета из Государственного исторического музея,[3] как и на печати в гербовнике А. Т. Князева[4], изображен медальон с пальмовым деревом, окантованный надписью – девизом ордена св. Андрея Первозванного «За веру и верность», с тремя орденскими

[1] Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. СПб., Ч. 2. [1798]. № 13.

[2] Вышивка с гербом Остерманов. Государственное автономное учреждение культуры Московской области «Объединённый мемориально-художественный музей-заповедник «Усадьба «Мураново» имени Ф. И. Тютчева и народных художественных промыслов «Усадьба Лукутиных». Инвентарный номер Т-6. Автор выражает благодарность музееведу В. Б. Двораковскому (Инициативная исследовательская группа «Остерманиана») за указание на этот памятник.

[3] Настольная печать с гербом Остерманов. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей». Инвентарный номер КР ОН 817454.

[4] *Князев* А. Т. Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Изд. [с предисл.] С. Н. Тройницкий. СПб., 1912. С. 113.



Герб графов Остерманов. Источник: https://gerbovnik.ru/arms/163.html



(Поле золотое, дерево зеленое. Девизъ: ЗА ВЕРУ И ВЕРПОСТЬ).

Описание печати с гербом Остерманов. Князев А.Т. Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Изд. [с предисл.] С. Н. Тройницкий. Санкт-Петербург: тип. «Сириус», 1912. VIII, 192 с., 5 л. ил. ил.; 40. С. 113.



Вышивка с гербом Остерманов. Государственное автономное учреждение культуры Московской области «Объединенный мемориально-художественный музей-заповедник «Усадьба "Мураново" имени Ф. И. Тютчева» и народных художественных промыслов «Усадьба Лукутиных». Фотография из Госкаталога музейного фонда РФ



Настольная печать с гербом Остерманов. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей». Фотография из Госкаталога музейного фонда РФ

крестами, висящими на лентах, вписан в обрамленную гирляндой орденской цепи звезду с шлемом, графской короной и нашлемником (пальмой). На музейной печати также есть девизная лента с латинским изречением *Semper idem* («всегда тот же»), впрочем, встречался такой девиз и у других русских дворян. Например, соперник Остермана граф А. П. Бес-тужев-Рюмин использовал его в экслибрисе, а для своей медали в 1757 г. избрал два девиза: снизу *Semper idem*, а сверху изобретенный Якобом Штелиным девиз *Immobilis in mobili* («Неподвижный в движении»).

Отцом Генриха Иоганна Фридриха (Андрея Ивановича) Остермана был лютеранский пастор Иоганн Конрад Остерман из Бохума в Вестфалии. В витражном окне дома, в котором он родился, в левом поле герба было изображено зеленеющее дерево в качестве основной фигуры, и дерево запечатлели на печатях он сам и его старший брат Иоганн Кристоф Дитрих ещё до их возведения в баронское достоинство[5]. Смысловое прочтение немецкой фамилии Ostermann ассоциируется с приезжим из восточных относительно Вестфалии (Westfalen) и других западных немецких земель краев, например Австрии (Österreich), или с пасхальными праздниками (Ostern). Геральдика ее носителей нередко содержит изображение пасхального агнца (Osterlamm), однако встречается и пальма: так, в адресной книге Базеля 1862 г. упоминается дом «У пальмового дерева» («Zum Palmbaum»)[6], принадлежавший фирме торговца бельем Иоганнеса Остермана. Пальма (и, по-видимому, страусы) в гербе Остерманов не были случайностью, а отсылали к фамилии в качестве экзотической гласной эмблемы, то есть визуального обыгрывания фамилии[7]. Датчанин Педер фон Хавен, посетивший Россию в 1736–1737 гг., связывал устойчивость положения графа с продуманной дистанцией от придворных группировок: А. И. Остерман избегал публичности и тесных связей, а брак с русской дворянкой способствовал тому, что его воспринимали как своего. Размышляя о необычайной устойчивости его карьеры, Хавен составил из латинизированной формы фамилии Osterman анаграмму *Nam resto* («я остаюсь», «я устою») и предложил её самому графу; по словам автора, Остерман принял эту словесную игру с удовлетворением. Хавен также отмечал особый интерес графа к сочинениям Мосхейма[8]. Девизы *Nec sol nec frigora mutant* и *Semper idem* – близкие смысловые аналоги латинской фразы *Nam resto* («поистине устоять»).

МЕДАЛЬ ХЕДЛИНГЕРА И ВИНЬЕТКА МАТТАРНОВИ

В начале ноября 1735 г. известный швейцарский медальер Иоганн Карл Хедлингер, работавший по контракту в Швеции, прибыл с учени-

---

[5] *Klueting H., Klueting E.* Heinrich Graf Ostermann: von Bochum nach St. Petersburg: 1687 bis 1747. Germany, 1976. S. 98.

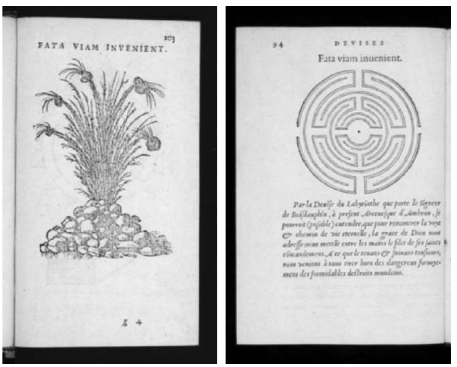
[6] Neues Nummern- & Adressbuch der Stadt Basel: mit einem Plane der Stadt. Switzerland, 1862. S. 35.

[7] Автор выражает благодарность за это наблюдение и другие ценные замечания известному российскому специалисту по геральдике кандидату исторических наук Е. В. Пчелову.

[8] *Хавен П. ф.* Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 347. См. также полное издание: *Хавен Педер фон*. Путешествие в Россию / пер. со стародат.; вступ., примеч., коммент. В. Е. Возгрина. СПб., 2007. 528 с.



Медаль Хедлингера.
Источник: https://petro-barocco.ru/archives/2830



Эмблемы Fata viam invenient, «Героические эмблемы» Клода Парадина 1551 и 1557 гг.

ком – шведским медальером Даниэлем Ферманом – в Санкт-Петербург, чтобы с натуры снять портрет императрицы Анны Иоанновны, где пробыл до июня 1737 г. и создал несколько медалей. Вместе с ними в Санкт-Петербург приехал Карл Рейнгольд Берк, друг Хедлингера, выдающийся шведский нумизмат и историк, который отмечал в своих путевых заметках, что наилучшей коллекцией старых русских, татарских, индостанских, китайских и других восточных монет располагает граф Остерман[9]. Вернувшись в Стокгольм, Хедлингер продолжил работу над медалью для графа Остермана и к февралю 1738 г. попросил Остермана прокомментировать ему идею для реверса медали. Остерман ответил Хедлингеру, что ещё не принял окончательного решения, хотя и не отверг предложение медальера изобразить лабиринт с пальмой в центре с надписью *Fata viam invenient*. Однако впоследствии Хедлингер изобразил пальму на широкой пустынной равнине и новый девиз *Nec sol nec frigora mutant*. Медаль была завершена в 1739 г.; отправляя её, в сопроводительном письме Хедлингер извинялся за небольшую задержку и просил заказчика проявить снисхождение к любым недостаткам, которые могут быть в ней обнаружены[10].

[9] *Берк К. Р.* Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 195.

[10] *Amberg J.* Der Medailleur Johann Carl Hedlinger // Geschichtsfreund. Bd. XXXIX. S. 217.



Посвятительная виньетка
Ф. Е. Маттарнови
из ботанического трактата
И. Аммана (1739)



Виньетка «Плодоносящего общества», титульный лист
Harsdorffer G. Ph. Fortpflantzung der Hochloblichen Fruchtbringenden Geselschaft, Nurnberg 1651, Herzog August Bibliothek Wolfenbuttel: Ln 183. И. Аммана (1739)

Первоначальный замысел Хедлингера для аверса медали с изображением пальмы в центре лабиринта с девизом *Fata viam invenient* («Судьба путь отыщет») проясняется, если учесть, что эти слова Дельфийского оракула, сказанные Энею: «Также не бойся, что грызть столы вас голод заставит: / Путь отыщет судьба, Аполлон моленья услышит» (Вергилий, Энеида, III, 394–395)[11] – сентенция, по-своему выражающая надежду на устойчивость в различных обстоятельствах, – активно использовались в эмблематике. В частности, в издании «Героических эмблем» Клода Парадена 1551 г. с девизом *Fata viam invenient* изображалось растение, пробившееся среди камней[12]. Однако в издании 1557 г. этот сюжет трактуется как дорожный знак для паломников и соответствует другой эмблеме, а девиз *Fata viam invenient* относится к лабиринту[13]. Позднее эмблема

[11] *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида. Перевод с латинского С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского. М., 1979.

[12] *Paradin C.* Devises heroïques. Lyons, 1551. P. 103.

[13] *Paradin C.* Devises heroïques. Lyons, 1557. P. 94.

Fata viam invenient с лабиринтом встречалась в других эмблематических изданиях, в том числе в немецких (Аугсбург, 1695, 1697 гг.)[14].

Тогда же в 1739 г. гравер Императорской Академии наук Филипп Егорович Маттарнови исполнил виньетку к трактату профессора ботаники Иоганна Аммана, посвящённого А. И. Остерману, с изображением Флоры, водружающей на обелиск в центре французского регулярного парка герб с изображением пальмы в овальном медальоне на геральдическом щите и девизной ленты с изречением *Nec sol nec frigora mutant*[15]. Вероятно, виньетка отражает условный образ садово-паркового пространства эпохи барокко, возможно, с аллюзией на пальму в центре садового лабиринта, что соответствовало бы первоначальному замыслу Хедлингера[16].

«ПЛОДОНОСЯЩЕЕ ОБЩЕСТВО» И БРАУНШВЕЙГСКИЙ КОНТЕКСТ

Историка церкви Иоганна Лоренца фон Мосхайма, труды которого по свидетельству П. Хавена очень интересовали А. И. Остермана, современники считали немецким прозаиком первой величины, и в 1732 г. его избрали президентом «Немецкого общества» (Deutsche Gesellschaft) в Лейпциге. «Немецкое общество», возникшее в эпоху позднего барокко и Просвещения, ставило целью развитие немецкого языка, выработку единых норм его употребления и ограничение зависимости от латыни и французского языка. В культурной жизни Европы латынь и французский язык издавна играли важную роль[17]. В этом контексте уместно предположить, что Остермана могло заинтересовать наследие предшественника «Немецкого общества» – первой и крупнейшей немецкой филологической академии «Плодоносящее общество» (Die Fruchtbringende Gesellschaft, также Palmenorden, «Орден Пальмы»), созданной по образцам итальянских академий эпохи Возрождения, прежде всего флорентийской Accademia della Crusca. Общество, основанное в Веймаре в 1617 г., прекратило дея-

[14] Devises et emblemes anciennes & modernes, tirâees des plus celebres auteurs… Augspurg: Verlegs Lorentz Kroniger und Gottlieb Göbels Seel[enfreund] Erben, 1695. S. 33

[15] *Amman J.* Stirpium rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones. Petropoli, 1739.

[16] Автор не разделяет мнение, что, поскольку Остерман в 1732 г. получил конфискованный двор А. Д. Меншикова, изображённый сад мог быть садом, «основанным Меншиковым в 1723 г на Адмиралтейском острове» (*Sigrist R., Moutchnik A.* Les fondements sociaux du premier essor de la botanique en Russie, 1700–1830 // Almagest. 2017. Vol. 8. № 1. P. 57.): Амман в предисловии к трактату упоминает Академический сад, созданный им в 1735 г. между 1-й и 2-й линиями Васильевского острова.

[17] *Закржевская Ю. П.* Русско-шведские договоры второй половины XV – первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. 2026. Т. 45. № 2. С. 304.



«Пфенниг общества»
(Gesellschaftspfennige)
члена «Плодоносящего общества»
Августа Младшего («Освободителя»).
Barthold, Friedrich (1848):
Geschichte der Fruchtbringenden
Gesellschaft. Berlin.

тельность в 1680 г. – незадолго до рождения Остермана, а эмблемой общества с девизом *Alles zu Nutzen* («Всё для пользы») была, как и у Остерманов, пальма.

Ключевой институциональной чертой Общества была система импрез: каждый член получал эмблематическое растение, орденское имя, девиз (Wort) и стихотворную строфу (Reimgesetz), образующие вместе персональную программу добродетели. Чтобы нивелировать социальные различия в работе этой изначально придворной академии, её члены должны были использовать в общении между собой только свои орденские имена. Общество объединяло 890 членов, преимущественно представителей дворянства, что обеспечивало ему разветвлённые связи в придворной, политической, военной и дипломатической среде.[18] Женщины не принимались в качестве независимых членов, а назывались по женской форме орденского имени своего супруга, например «Освободительница».

Швейцарский гравер и издатель Маттеус Мериан Старший помимо эмблемы общества издал в гравюре 400 импрез членов Плодоносящего общества. Импрезы общества и члена изображались на аверсе и реверсе «пфеннигов общества» (Gesellschaftspfennige) – овальных золотых или эмалированных медалей, которые члены носили на шее на ленте ярко-зелёного цвета.

В «Плодоносящем обществе» важную роль играли герцоги Брауншвейг-Вольфенбюттельские – предки Антона Ульриха (1714–1776), супруга Анны Леопольдовны и отца пятерых детей, включая малолетнего императора Всероссийского Ивана VI Антоновича, часто называемых «Брауншвейгским семейством». Членами «Ордена Пальмы» были последний представитель угасшей средней вольфенбюттельской ветви

[18] Например, автор «Подробного описания путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем Посольства Адамом Олеарием», в котором он, между прочим, неоднократно упоминал о померанцах в Персии, был принят в «Плодоносящее общество» в 1651 г. с орденским именем «Многоцелеустремленный» (Der Vielbemühete), девизом «На чужбине» (In der Fremde) и фантазийным эмблематическим растением «Московитские померанцы» (Moßcovische Pomeranzen), название которого ассоциируется с маршрутами его путешествий.

Фридрих Ульрих («Стойкий», с 1621 г.) и его преемник Август Младший («Освободитель») с супругой Софией Елизаветой (с 1634 г.) и сыновьями Антоном Ульрихом («Победоносный», с 1659 г.), Рудольфом Августом («Созерцательный», с 1660 г.) и Фердинандом Альбрехтом I («Чудесный», с 1673 г.), приходившимся главе «Брауншвейгского семейства» дедом. Двор Августа в Вольфенбюттеле был, после Кётена и Веймара, важнейшим центром «Плодоносящего общества».

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЕВИЗА И РОЛЬ Х. Ф. ГРОССА

Импреза старейшего из них, Фридриха Ульриха, герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского (1591–1634), члена Плодоносящего общества (номер 38) с орденским именем Der Dauerhafte («Стойкий») с девизом In allem Wetter («В любую погоду») включает изображение кедрового дерева и стихи[19]:

Das Cedernholtz ſehr hart in allem Wetter dawree/
Es soll verfaulen nie/ får keinem Frost ihm schawret/
Vnd feine Blätter helt/ Dawrhafft ich mich drumb heiß/
Weil ich in einem bleib es sey kalt oder heiß:
Wer nun zur argen Zeit in allem Wetter dawret/
Vnd fleissig håtet sich für dem/ der auff ihn lawret/
Der kan warhaffte Frucht fürbringen jederzeit/
Bey jhm mit nuken auch wird Tugendt aufgebreit.

(«Кедровое дерево весьма твёрдо пребывает в любую погоду, / Оно не должно сгнить никогда / никакой мороз ему не вредит, / И листья свои хранит / Стойким я оттого себя именую, / Ибо я в целости остаюсь, будь то холод или зной: / Кто же в лихое время стоит твёрдо при любой погоде, / И прилежно остерегается того, кто подстерегает его, / Тот может приносить истинный плод во всякое время, / И рядом с ним с пользою также распространяется добродетель»).

Центральная четвертая строка немецкого стихотворного текста импрезы Weil ich in einem bleib es sey kalt oder heiß («Ибо я в целости остаюсь, будь то холод или зной») является практически точным смысловым прообразом латинских фраз: и анаграммы фамилии Остермана (*Nam resto*, «Поистине устоять» – Weil ich in einem bleib, «Ибо я в целости остаюсь») и девиза на гербе Остерманов (*Nec sol nec frigora mutant*, «Ни жар, ни хлад не изменяют» – in einem bleib es sey kalt oder, «в целости остаюсь,

[19] Köthener Gesellschaftsbuch der Fruchtbringenden Gesellschaft. Köthen, Historisches Museum. V S 677c, fol. 43r.



Импреза члена «Плодоносящего общества» «Стойкий» (Фридрих Ульрих, герцог Брауншвейг-Вольфенбюттельский). Köthener Gesellschaftsbuch der Fruchtbringenden Gesellschaft, Köthen, Historisches Museum V S 677c, fol. 43r

будь то холод или зной») и, по сути, девиза на печати *Semper idem* («Всегда тот же»). Однако связь оказалась глубже семантической: здесь обнаружилась межъязыковая паронимазия, сохранение в составе латинского девиза Остерманов звукового и графического образа второй строки немецкого текста импрезы: Es soll… nie… frost… – nec sol nec frigora… Логично предположить, что, сочиняя в 1739 г. латинский девиз для реверса медали Хедлингера, его автор прекрасно знал эти немецкие стихи импрезы «Стойкого» члена «Ордена Пальмы» и переводил их на латынь не только по смыслу, но и по звуку.

Кто же был автором девиза? По мнению Кристиана фон Мехеля (1776), автором девиза считался Карл Рейнгольд Берк[20]. Действительно, этот выдающийся шведский нумизмат и историк в юности учился в немецкой школе в Стокгольме и в университете Галле и был бы способен сделать это. Однако в свете выясненной связи девиза с импрезой герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского становится очевидной другая кандидатура.

Якоб Штелин, гравер и выдающийся историограф российского искусства этой эпохи, писал о медали Хедлингера, посвященной Остерману: «Бывший профессор и тогдашний брауншвейгский советник г-н Грос, который жил у графа в доме (где он и застрелился в ноябре 1741 года), говорят, создал инвенцию этого эмблематического реверса»; там же он упоминает сочиненную по желанию Остермана советником Гросом и советником юстиции Гольдбахом вырезанную медальерным учеником Юдиным медаль по случаю смерти и погребения императрицы Анны Иоанновны (1740), уничтоженную, как и всё, что имело имя Ивана VI

[20] *Mechel Ch.* Oeuvre du Chevalier Hedlinger ou Recueil des medailles de ce celebre artiste. Basel, 1776. P. 50.

Антоновича, императрицей Елизаветой Петровной, поскольку на ней он был изображён в виде ребёнка, переданного России с неба[21]. Речь идет о Христофоре (Христиане) Фридрихе Гроссе (1696?–1742), бывшем экстраординарном профессоре моральной философии и иностранном почетном члене Императорской Академии наук, бывшем редакторе «Санкт-Петербургских ведомостей» в первые полгода их издания, легацион-секретаре на брауншвейгской дипломатической службе, а также частном секретаре А. И. Остермана и домашнем наставнике его детей, увлечённом нумизмате, который активно содействовал важнейшему для Остермана многолетнему проекту по обеспечению брака Антона Ульриха и Анны Леопольдовны, состоявшемуся в июле 1739 г.[22], и позже во время суда над опальным Остерманом, не признавая обвинений в шпионаже, был помещен под домашний арест и застрелился до окончания расследования. Опыт сочинения по заказу Остермана медали в 1740 г. по программе, напрямую связанной с «Брауншвейгским семейством», убедительно свидетельствует о том, что именно Христиан Фридрих Гросс и был автором девиза Остерманов, основанного на орденской импрезе герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского.

Примечательно, что ещё в бытность профессором Академии наук Гросс преподавал философию морали, а также изящную словесность будущему выдающемуся русскому поэту-сатирику и дипломату Антиоху Кантемиру и, по собственному признанию Кантемира, привил ему вкус к литературе[23]. Эмблематичность мышления в сатирах Кантемира, учившегося у Гросса, заставляет вспомнить его стихи о тщетном стремлении редких счастливцев, добившихся высоких степеней, устоять: «Редко счастье на своих крылах кого взводит / На высоку вдруг степень, и если бывает / Столько ласково к кому, долго в том ее знает / Устоять, но в малый час копком его спихнет / Одним, что, стремглав летя, не один член свихнет…»[24]. Сочетание аллюзии, парафраза и межъязыковой паронимазии в девизе соответствует филологической подготовке почетного иностранного члена Академии Гросса, преподававшего словесность и привившего важнейшему русскому литератору эпохи Кантемиру, по признанию поэта, вкус к литературе и моральной философии.

---

[21] *Штелин Я.* Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / [сост., пер. с нем., вступ. ст. К. В. Малиновского]. В 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1. С. 339.

[22] *Плате А.* «Гросс потерян»: о задержавшемся в 1741 г. в России брауншвейгском дипломате // Диалог со временем. 2024. № 87 (87). С. 342–355.

[23] *Gouasco O.* Vie du Prince Antiochus Cantemir // Cantemir. Satyres du Prince Cantemir. Traduites du Russe en Francois, avec l'histoire de sa vie. A Londres: chez Jean Nourse, MDCCL. P. 15–142.

[24] *Довгий О. Л.* Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. Тула, 2018. С. 358.

АПРОПРИАЦИЯ ФОРМАТА ОРДЕНСКОЙ ИМПРЕЗЫ

Таким образом, медаль Хедлингера и виньетка Маттарнови предстают не просто геральдическими изображениями, но своего рода апроприацией формата орденских импрез «Плодоносящего общества»: медаль с пальмой и портретом Остермана – аналог орденского «пфеннига» с эмблемой общества и личной импрезой; виньетка Маттарнови – аналог гравюр Мериана Старшего с импрезами «Плодоносящего общества» и его членов. А. И. Остерман, который уделял внимание геральдике, включая эту дисциплину в программу обучения царевича, должно быть, по достоинству оценил изобретение Гроссом девиза, символически связывающего через утонченную языковую и визуальную игру импрез «Плодоносящего общества» фамильную символику вестфальских Остерманов и стремление графа выразить своё переживание устойчивости при дворе (в этом, он, как следует из примера графа А. П. Бестужева-Рюмина, был не одинок) с «Брауншвейгским семейством».

Уместно также отметить определённый параллелизм между деятельностью «Плодоносящего общества», которое занималось языковым строительством: созданием словарей, грамматики, норм словоупотребления, стандартизацией немецкого языка и плодотворной деятельностью государственного деятеля А. И. Остермана. Связь импрезы Остермана с эмблематикой «Плодоносящего общества» визуально выражена изображением на медали Хедлингера и её перерисовках упавших плодов пальмы[25].

ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ СУДЬБА ОБРАЗА

Медаль Хедлингера была впоследствии описана швейцарскими историками искусства Иоганном Каспаром Фюссли (1770)[26] и Кристианом фон Мехелем (1776)[27], а её эмблематический образ, в свою очередь, послужил для художественной апроприации. Реверс медали был воспроизведён в качестве посвятительной виньетки в первом томе издания «Физиогномических фрагментов» Иоганна Каспара Лафатера (1775 г.)[28], близкого друга художника Иоганна Генриха Фюссли (сына И. К. Фюссли). Считается, что тем самым Лафатер не только выражал преданность марк-

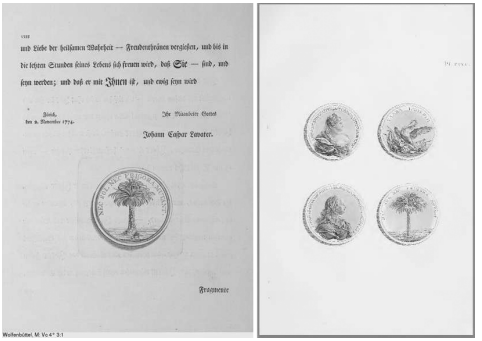
[25] Автор выражает благодарность за это наблюдение Е. В. Пчелову.

[26] *Füssli J. C.* Geschichte der besten Künstler in der Schweitz. Bd. 3. Zürich, 1770. S. 106–107.

[27] *Mechel Ch.* Oeuvre du Chevalier Hedlinger ou Recueil des medailles de ce celebre artiste. Basel, 1776. Pl. XXXV.

[28] *Lavater J. C.* Physiognomische Fragmente, zur Beförderung der Menschenkenntniß und Menschenliebe. Bd. 1. Leipzig; Winterthur: Weidmanns Erben und Reich; Heinrich Steiner und Compagnie, 1775. S. VIII.

графу Баденскому в своем посвящении, но и уподоблял физиогномику применению эмблематических принципов к индивидуальным чертам человеческой внешности, чтобы научить читателя распознавать скрытое и высшее значение[29].



Гравюры из издания И. К. Лафатера (1775) и К. ф. Мехеля (1776)

В том же 1775 г. Лафатера посетил юный Иоганн Кристоф фон Шмид, будущий немецкий прелат, в посмертной биографии которого его друг детства немецкий писатель Христиан Якоб Вагенсейл описал созданную к полувековому юбилею их дружбы в 1824 г. эмблематическую картину, на которой была представлена на квадратном камне круглая колонна с изображением Минервы с копьем в одной руке, опирающейся на щит; держащей в другой руке на голубой ленте с черной каймой медальон с пальмой в поле и надписью *Nec Sol, nec Frigora mutant*, «чтобы показать, что общая любовь к наукам и искусствам когда-то соединила двух мужчин в юности и удерживала их вместе неразлучно до старости»[30].

Эмблема использовалась не только в Швейцарии и Германии, но и в Швеции. В 1793 г. барон Густав Адольф Ройтерхольм, фактический регент Швеции, воздвиг в усыпальнице своих родителей в церкви св. Петра в приходе Сиунтио на юге Финляндии монумент в их память с эмблематическими табличками, включавшими девиз *nec sol nec frigora* и изображение, описанное в начале 1880-х гг. шведским исследователем как «раскидистая сосна» (en lummig tall)[31].

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ: А. И. ОСТЕРМАН-ТОЛСТОЙ

Правнук А. И. Остермана – Александр Иванович Остерман-Толстой (1772–1857) принял фамилию, титул и богатства Остерманов благодаря ходатайству братьев его бабушки по отцовской линии, наставником которых был Х. Ф. Гросс. Остерман-Толстой получил прекрасное образование, знал отлично французский и немецкий языки, «воспитанный в идеях

[29] *Schöne A.* Emblematik und Drama im Zeitalter des Barock. München, 1993. S. 52.

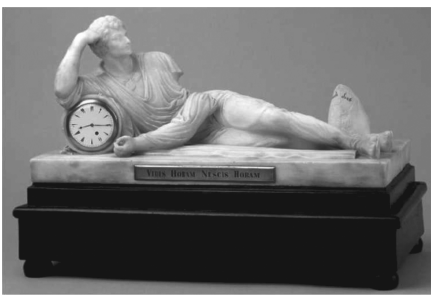
[30] *Wagenseil Ch. J.* Prälat von Schmid zu Ulm. Nach seinem Leben, Wirken und Charakter. Augsburg, 1828. S. 59.

[31] Kungl. Vitterhets, h. och antikvitets akademien. Månadsblad. Stockholm, 1883. S. 35.



Губарев А. А. (фотограф). Ильинское. Памятник Остерману-Толстому на аллее против дома. 1926. Фотография из альбома «Москва. Окрестности по Белорусско-Балтийской железной дороге: Фили, Кунцево, Ильинское, Усово, Уборы, Звенигород».

Памятник Остерману-Толстому
на аллее в Ильинском.
Фото Губарева А. А. 1926 г.



Каминные часы в Музее
искусства и истории Женевы
(MAH, inv. AD 3720) по С. И. Гальбергу

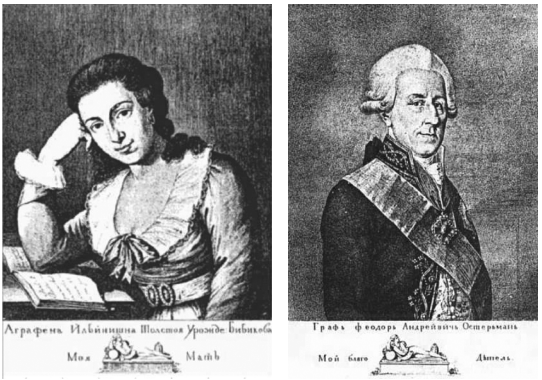
екатерининского времени о восстановлении греческой империи, учился греческому языку, быв даже корпусным командиром», встречался с Гёте[32].

В 1822 г. в Риме скульптор Самуил Иванович Гальберг создал по заказу графа статую, изображающую его после ампутации руки при Кульме в 1813 г.: граф полулежит, опираясь на барабан, рядом – отрезанная левая рука, в барабан вделаны часы с надписью *Vides horam nescis horam* («Видишь час, не знаешь час»)[33]. В 2022 г. автором настоящей статьи был обнаружен ранее неизвестный вариант этой скульптуры – каминные часы в Музее искусства и истории Женевы (инвентарный номер AD 3720), содержащие надпись *Optima Mater* на медальоне с женским профилем на груди статуи. Исследование женевского экземпляра выявило сложную систему аллюзий: надпись восходит к Тациту (Анналы, XIII, 1, 5) – пароль, избранный сразу после воцарения Нероном для преторианской гвардии в честь своей матери Агриппины[34], имя которой совпадает с именем матери графа Аграфены Ильиничны Толстой (Бибиковой). Эти слова, по-видимому, восходят к тексту «Энеиды» (X, 557–558), в котором Вергилий описывает, как Эней отсекает левую руку соратнику царя племени рутулов Анксуру (… *on te optima*

[32] *Лажечников И. И.* Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии А. П. Ермолова». М., 2014. С. 23

[33] *Рогов М. А.* Optima Mater, или О визуальной интертекстуальности статуи графа Остермана-Толстого, раненого в битве при Кульме, в Женевском музее искусства и истории (MAH) // Новое искусствознание. 2022. № 4. С. 68–75.

[34] *Тацит Корнелий.* Сочинения. Т. 1. М., 1993. С. 214.



Гравюры Карло Лазинио, 1827 г.

Источник: Рогов М. А. Интервизуальность статуй графа А. И. Остермана-Толстого // Остерманиана. Сборник статей. Материалы Круглого стола «К 300-летию канцлера Ивана Андреевича Остермана. Судьба усыпальницы знаменитого графского рода и тайна захоронения генерала А. И. Остермана-Толстого». М ., 2026. С. 180–197.

mater / condet humi patrioque onerabit membra sepulcro… – «…не похоронит тебя добрая мать в землю и в отчизну не перенесёт конечности в гробницу…»), – поразительно точный аллегорический образ для русского генерала-героя, лишившегося левой руки в бою с войсками Наполеона-«Энея». Гравюры Карло Лазинио (1827) воспроизводили изображение статуи-кенотафа на постаменте как своего рода издательский знак Остермана-Толстого на портретах матери («Моя мать») и двоюродного деда Федора Андреевича Остермана («Мой благодетель»)[35]. Переживание Остерманом-Толстым случившегося соотнесено им прежде всего в контексте семейной символической традиции: он зарыл руку в фамильном склепе графов Остерманов, «в ногах у гробниц их, как дань благодарности за их благодеяния и свидетельство, что он не уронил наследованного от них имени»[36].

Этот эпизод биографии Остермана-Толстого, о котором Ф. М. Достоевский, по мнению исследователей, мог прочесть в статье И. И. Лажечникова, стал объектом пародии в романе «Идиот», в котором генерал Иволгин пересказывает князю Мышкину историю, рассказанную ему Лебедевым: «[…] в двенадцатом году, еще ребенком, в детстве, он лишился левой своей ноги и похоронил ее на Ваганьковском кладбище, в Москве

[35] *Cassinelli P.* Carlo Lasinio. Incisioni. Firenze: Olschki, 2004. P. 66.

[36] *Лажечников И. И.* Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии А. П. Ермолова». М., 2014. С. 26.

[…] французский шассёр навел на него пушку и отстрелил ему ногу, так, для забавы; что он ногу эту поднял и отнес домой, потом похоронил ее на Ваганьковском кладбище и говорит, что поставил над нею памятник с надписью с одной стороны: «Здесь погребена нога коллежского секретаря Лебедева», а с другой: «Покойся, милый прах, до радостного утра», и что, наконец, служит ежегодно по ней панихиду […].»[37]. Однако ранее исследователями не было уделено внимание тому факту, что Достоевский мог прочесть не только о ранении и захоронении Остерманом-Толстым своей руки, но и о самом кенотафе в другом фрагменте статьи Лажечникова[38]. Кроме того, эпитафия Н. М. Карамзина «Покойся, милый прах, до радостного утра», воспроизведенная на могиле матери Достоевского[39], демонстрирует семантическое сближение с надписью на кенотафе Остермана-Толстого, не упоминаемой Лажечниковым, что наводит на предположение, что Достоевский, писавший роман в Женеве, где десятилетием ранее окончил свои дни граф Остерман-Толстой, мог иметь альтернативные источники сведений о скульптуре.

Сопоставление символических программ Остермана и его правнука Остермана-Толстого обнаруживает поразительный параллелизм в типе символического мышления. Оба создали персональную медаль как носитель программы: А. И. Остерман – медаль Хедлингера с пальмой, латинским девизом (в первоначальном варианте цитатой из «Энеиды») и собственным портретом, символически реконструирующую орденский «пфенниг» «Плодоносящего общества», связанного с одним из главных проектов Остермана («Брауншвейгское семейство»); А. И. Остерман-Толстой – медальон на шее фигуры скульптурного кенотафа с латинской цитатой из «Энеиды», выявляющей аллегорическую интерпретацию своего главного воинского подвига через аналогию с Анксуром, противопоставленным Энею, под которым подразумевается Наполеон. У обоих девизы поразительно сочетают два аспекта: у А. И. Остермана – парафраз четвертой строки и паронимазия второй строки стихов импрезы члена «Плодоносящего общества», у А. И. Остермана-Толстого – двойная аллюзия с помощью цитаты одновременно из «Энеиды» и Тацита. Оба обыгрывали имена в девизах медалей: А. И. Остерман развивал идею устойчивости, заданную анаграммой его фамилии; А. И. Остерман-Толстой, цитируя

[37] *Викторович В. А.* Идиот // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 10. СПб., 1992. С. 157–158.

[38] *Лажечников И. И.* Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии А. П. Ермолова». М., 2014. С. 22.

[39] *Подосокорский Н. Н.* «История» Н. М. Карамзина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 53–54.

упомянутый Тацитом пароль преторианцев, обыграл имя своей матери через аллюзию на имя матери римского императора. Наконец, оба зафиксировали свою программу в гравюре: А. И. Остерман – через виньетку Маттарнови; А. И. Остерман-Толстой – через гравюры Лазинио, где его кенотаф выступает символическим знаком на портретах близких – матери и благодетеля, наставником которого в юности был автор остермановского девиза Христиан Фридрих Гросс.

Активное использование А. И. Остерманом-Толстым приёмов цитирования и переосмысления визуальных образов, которые теперь яснее раскрываются в контексте семейной символической традиции Остерманов, демонстрируют и другие примеры. В доме Остермана-Толстого на Английской набережной в Санкт-Петербурге мраморную плиту у камина, на которой стояли ваза и золотой кубок, полученные от императора и богемских магнатов за подвиг в Кульмском сражении, поддерживали две статуи, изображавшие с портретным сходством двух гренадеров Павловского полка, которые поддержали и унесли из боя графа, когда ему оторвало руку; после ранения граф всегда опирался на толстую камышовую трость с набалдашником в виде черепа, оформление которого прокомментировал царю, ссылаясь на латинскую пословицу: Hodie mihi, cras tibi («Сегодня мне, завтра тебе»)[40]. И. И. Лажечниковым описан красноречивый случай, когда Остерман-Толстой в 1820 г., отсылая обратно отправителю неуважительное, по его мнению, официальное письмо генерала А. П. Ермолова, выбрал в качестве печати «в брелоках у своих часов антик с извивающимися на голове змеями», после чего Ермолов жаловался[41].

ВЫВОДЫ

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Пальмовое дерево и девиз *Nec sol nec frigora mutant* в геральдике Остерманов не являются случайным совпадением с символикой «Плодоносящего общества» (Ордена Пальмы): структурный анализ медали И. К. Хедлингера и виньетки Ф. Е. Маттарнови, созданных в 1739 г., показывает, что оба произведения воспроизводят формат орденской импрезы – портрет на аверсе и растительная эмблема с девизом на реверсе «пфеннига» Общества. Совокупность источников позволяет атрибутировать латинский девиз Х. Ф. Гроссу – учёному, частному секретарю А. И. Остермана

[40] *Рогов М. А.* Optima Mater, или О визуальной интертекстуальности статуи графа Остермана-Толстого, раненого в битве при Кульме, в Женевском музее искусства и истории (MAH) // Новое искусствознание. 2022. № 4. С. 68–75.

[41] *Лажечников И. И.* Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии А. П. Ермолова». М., 2014. С. 33.

и наставнику его сыновей, брауншвейгскому дипломату и нумизмату, преподававшему Антиоху Кантемиру словесность и моральную философию. Девиз является одновременно смысловой парафразой четвертой строки Weil ich in einem bleib es sey kalt oder heiß и межъязыковой паронимазией второй строки (Es soll… nie… Frost… – Nec sol nec frigora…) из немецкого стихотворного текста импрезы Фридриха Ульриха, герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского, члена «Плодоносящего общества» с 1621 г. («Стойкого»), предка главы «Брауншвейгского семейства» Антона Ульриха. Этот выбор был обусловлен не только визуальным совпадением элемента личного герба вестфальских Остерманов и импрезы Ордена Пальмы, но и тем, что исторически двор брауншвейгских герцогов в Вольфенбюттеле был одним из важнейших центров «Плодоносящего общества», а Остерман при посредничестве Гросса осуществлял многолетний проект по обеспечению брака Антона Ульриха с Анной Леопольдовной, в котором родился Всероссийский император Иван VI Антонович («Брауншвейгское семейство»).

Зафиксирована последующая апроприация эмблематического образа, созданного для Остермана, как минимум в трёх национальных традициях: швейцарской (посвятительная виньетка в «Физиогномических фрагментах» И. К. Лафатера, 1775), шведской (таблички в родовом захоронении барона Г. А. Ройтерхольма, 1793) и немецкой (эмблематическая картина для И. К. фон Шмида и Х. Я. Вагенсейла, 1824).

В контексте семейной традиции символического мышления Остерманов, вероятно усвоенной детьми А. И. Остермана, обученными Х. Ф. Гроссом, показательно сопоставление программ А. И. Остермана (медаль И. К. Хедлингера, 1739) и его правнука А. И. Остермана-Толстого (медальон Optima mater на женевской модели кенотафа по С. И. Гальбергу, 1822), которое обнаруживает структурный параллелизм: оба создали персональную медаль как носитель символической программы, и оба зафиксировали свою программу в гравюре – через виньетку Ф. Е. Маттарнови (1739) и через портреты К. Лазинио (1827).

Восходящая к наследию филологической академии Ордена Пальмы и утонченной эрудиции Х. Ф. Гросса интервизуальность геральдики Остерманов, выраженная в семейной традиции передачи культуры эрудиции, интереса к Античности, аллегорическому прочтению, языковой игре, сопряжению с пафосом глубоких личных переживаний драматических жизненных обстоятельств с учётом политического позиционирования, продолжает эмблематическую судьбу «Плодоносящего общества» и ярко выражает приметы барочно-классицистической культуры своей эпохи.

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные:

Берк К. Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 111–302.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. Перевод с латинского С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского. М.: Художественная литература, 1979.

Князев А. Т. Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Изд. [с предисл.] С. Н. Тройницкий. СПб.: Тип. «Сириус», 1912.

Лажечников И. И. Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии А. П. Ермолова». М.: Директ-Медиа, 2014.

Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. СПб., Ч. 2. 1798.

Тацит Корнелий. Сочинения. Т. 1. М.: Ладомир, 1993.

Хавен П. ф. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 303–364.

Хавен Педер фон. Путешествие в Россию / пер. со стародат.; вступ., примеч., коммент. В. Е. Возгрина. СПб.: Всемирное слово, 2007.

Штелин Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / [сост., пер. с нем., вступ. ст. К. В. Малиновского]. В 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1.

Amberg J. Der Medailleur Johann Carl Hedlinger // Geschichtsfreund. Bd. XXXIX. S. 210–225.

Amman J. Stirpium rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones. Petropoli: Academia Scientiarum, 1739.

Devises et emblemes anciennes & modernes, tirâees des plus celebres auteurs… Augspurg: Verlegs Lorentz Kroniger und Gottlieb Göbels Seel[enfreund] Erben, 1695.

Füssli J. C. Geschichte der besten Künstler in der Schweitz. Bd. 3. Zürich: Orell, Gessner und Comp., 1770.

Gouasco O. Vie du Prince Antiochus Cantemir // Cantemir. Satyres du Prince Cantemir. Traduites du Russe en Francois, avec l'histoire de sa vie. A Londres: chez Jean Nourse, MDCCL. P. 15–142.

Köthener Gesellschaftsbuch der Fruchtbringenden Gesellschaft. Köthen, Historisches Museum. V S 677c, Fol. 43r.

Lavater J. C. Physiognomische Fragmente, zur Beförderung der Menschenkenntniß und Menschenliebe. Bd. 1. Leipzig; Winterthur: Weidmanns Erben und Reich; Heinrich Steiner und Compagnie, 1775.

Mechel Ch. Oeuvre du Chevalier Hedlinger ou Recueil des medailles de ce celebre artiste. Basel, 1776.

Neues Nummern- & Adressbuch der Stadt Basel: mit einem Plane der Stadt. Switzerland: Otto Stuckert, 1862.

Paradin C. Devises heroïques. Lyons: Jean de Tournes and Guillaume Gazeau, 1551.

Paradin C. Devises heroïques. Lyons: Jean de Tournes and Guillaume Gazeau, 1557.

Wagenseil Ch. J. Prälat von Schmid zu Ulm. Nach seinem Leben, Wirken und Charakter. Augsburg: Wirth, 1828.

БИБЛИОГРАФИЯ

Викторович В. А. Идиот // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 10. СПб., 1992. С. 155–163.

Довгий О. Л. Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. Тула: Аквариус, 2018.

Закржевская Ю. П. Русско-шведские договоры второй половины XV – первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. 2026. Т. 45. № 2. С. 284–313.

Плате А. «Гросс потерян»: о задержавшемся в 1741 г. в России брауншвейгском дипломате // Диалог со временем. 2024. № 87 (87). С. 342–355.

Подосокорский Н. Н. «История» Н. М. Карамзина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 31–63.

Рогов М. А. Optima Mater, или О визуальной интертекстуальности статуи графа Остермана-Толстого, раненого в битве при Кульме, в Женевском музее искусства и истории (МАН) // Новое искусствознание. 2022. № 4. С. 68–75.

Рогов М. А. Интервизуальность статуй графа А. И. Остермана-Толстого // Остерманиана: сборник статей. Материалы Круглого стола «К 300-летию канцлера Ивана Андреевича Остермана. Судьба усыпальницы знаменитого графского рода и тайна захоронения генерала А. И. Остермана-Толстого». М., 2026. С. 180–197.

Cassinelli P. Carlo Lasinio. Incisioni. Firenze: Olschki, 2004.

Klueting H., Klueting E. Heinrich Graf Ostermann: von Bochum nach St. Petersburg: 1687 bis 1747. Germany: Studienverlag Brockmeyer, 1976.

Kungl. Vitterhets, h. och antikvitets akademien. Månadsblad. Stockholm. 133, 134 o 135. Jan., Febr. o Mars. 1883.

Schöne A. Emblematik und Drama im Zeitalter des Barock. München: C. H. Beck, 1993.

Sigrist R., Moutchnik A. Les fondements sociaux du premier essor de la botanique en Russie, 1700–1830 // Almagest. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 39–75.

REFERENCES

Amberg J. Der Medailleur Johann Carl Hedlinger // Geschichtsfreund. Bd. XXXIX. S. 210–225.

Amman J. Stirpium rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones. Petropoli: Academia Scientiarum, 1739.

Berch K. R. Travel notes about Russia // Bespyatykh Yu. N. Petersburg of Anna Ioannovna in foreign descriptions. Introduction. Texts. Comments. St. Petersburg: Blits, 1997. Pp. 111–302 (In Russian).

Cassinelli P. Carlo Lasinio. Incisioni. Firenze: Olschki, 2004.

Devises et emblemes anciennes & modernes, tirâees des plus celebres auteurs… Augspurg: Verlegs Lorentz Kroniger und Gottleib Göbels Seel[enfreund] Erben, 1695.

Dovgiy O. L. Kantemir's satires as a code of Russian poetry. An experience of micro-philological analysis. Tula: Aquarius, 2018 (In Russian).

Füssli J. C. Geschichte der besten Künstler in der Schweitz. Bd. 3. Zürich: Orell, Gessner und Comp., 1770.

Gouasco O. Vie du Prince Antiochus Cantemir // Cantemir. Satyres du Prince Cantemir. Traduites du Russe en Francois, avec l'histoire de sa vie. A Londres: chez Jean Nourse, MDCCL. P. 15–142.

Haven P. F. Journey to Russia // Bespyatykh Yu. N. Petersburg of Anna Ioannovna in foreign descriptions. Introduction. Texts. Comments. St. Petersburg: BLITS, 1997. Pp. 303–364 (In Russian).

Haven P. von. Journey to Russia / transl. from Old Danish, introd., notes and commentary by V. E. Vozgrin. St. Petersburg: Vsemirnoe slovo, 2007 (In Russian).

Klueting H., Klueting E. Heinrich Graf Ostermann: von Bochum nach St. Petersburg: 1687 bis 1747. Germany: Studienverlag Brockmeyer, 1976.

Knyazev A. T. Armorial of Anisim Titovich Knyazev of 1785 / Ed. [with preface] by S. N. Troynitsky. St. Petersburg: Sirius Press, 1912 (In Russian).

Köthener Gesellschaftsbuch der Fruchtbringenden Gesellschaft. Köthen, Historisches Museum. V S 677c, fol. 43r.

Kungl. Vitterhets, h. och antikvitets akademien. Månadsblad. Stockholm. 133, 134 o 135. Jan., Febr. o Mars. 1883.

Lazhechnikov I. I. Some notes and recollections on the article "Materials for the biography of A. P. Yermolov". Moscow: Direct-Media, 2014 (In Russian).

Lavater J. C. Physiognomische Fragmente, zur Beförderung der Menschenkenntniß und Menschenliebe. Bd. 1. Leipzig; Winterthur: Weidmanns Erben und Reich; Heinrich Steiner und Compagnie, 1775.

Mechel Ch. Oeuvre du Chevalier Hedlinger ou Recueil des medailles de ce celebre artiste. Basel, 1776.

Neues Nummern- & Adressbuch der Stadt Basel: mit einem Plane der Stadt. Switzerland: Otto Stuckert, 1862.

Paradin C. Devises heroïques. Lyons: Jean de Tournes and Guillaume Gazeau, 1551.

Paradin C. Devises heroïques. Lyons: Jean de Tournes and Guillaume Gazeau, 1557.

Plate A. "A Groschen is lost": on a Brunswick diplomat detained in Russia in 1741 // Dialogue with Time. 2024. No. 87 (87). Pp. 342–355 (In Russian).

Podosokorsky N. N. The "History" of N. M. Karamzin in F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot" // Dostoevsky and World Culture. Philological Journal. 2024. No. 3 (27). Pp. 31–63 (In Russian).

Rogov M. A. Optima Mater, or on the visual intertextuality of the statue of Count Ostermann-Tolstoy, wounded at the Battle of Kulm, in the Geneva Museum of Art and History (MAH) // New Art Studies. 2022. No. 4. Pp. 68–75 (In Russian).

Rogov M. A. Intervisuality of the statues of Count A. I. Ostermann-Tolstoy // Ostermanniana: collected articles. Proceedings of the Round Table "On the 300th anniversary of Chancellor Ivan Andreyevich Ostermann. The fate of the burial vault of the famous count's family and the mystery of the burial of General A. I. Ostermann-Tolstoy". Moscow, 2026. Pp. 180–197 (In Russian).

Schöne A. Emblematik und Drama im Zeitalter des Barock. München: C. H. Beck, 1993.

Sigrist R., Moutchnik A. Les fondements sociaux du premier essor de la botanique en Russie, 1700–1830 // Almagest. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 39–75.

Shtelin Ya. Notes of Jacob Stählin on the fine arts in Russia / [comp., transl. from German, introd. by K. V. Malinovsky]. In 2 vols. Moscow: Iskusstvo, 1990. Vol. 1 (In Russian).

Tacitus Cornelius. Works. Vol. 1. Moscow: Ladomir, 1993 (In Russian).

The General Armorial of the Noble Families of the All-Russian Empire, begun in 1797. St. Petersburg, Part 2. 1798 (In Russian).

Victorovich V. A. The Idiot // Dostoevsky: Materials and Research. Vol. 10. St. Petersburg, 1992. Pp. 155–163 (In Russian).

Virgil. Bucolics. Georgics. Aeneid / Transl. from Latin by S. A. Osherov, ed. by F. A. Petrovsky. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1979 (In Russian).

Wagenseil Ch. J. Prälat von Schmid zu Ulm. Nach seinem Leben, Wirken und Charakter. Augsburg: Wirth, 1828.